

Фольклор не мода, а вечно живой голос народа¹

(Полемические заметки)

Не предполагал, что моя статья «Кто поет, того беда не берет»² вызовет дискуссию. Моя задача заключалась в следующем: осветить некоторые достоинства русской народной песни и, по возможности, привлечь к ней внимание молодежи. Если в этом плане что-то удалось сделать, то и этим автор остался бы доволен. Но завязалась дискуссия, которая, надеюсь, пойдет на пользу нашему обществу, особенно молодежи. Пусть даже небольшая часть думающих людей потянулась душой к истинной духовной ценности и стала возрождать несколько подзабытые старинные песенные традиции в молодежной среде. Старшее поколение, несмотря на трудные годы, прожитые им, не расставалось с песней. Поэтому говорить о том, что «фольклор вошел в моду», совершенно не верно. Фольклор бытовал прежде, бытует ныне и будет бытовать в будущем, естественно, что-то утрачивая и что-то приобретая, в зависимости от условий исторического развития того или другого общества. Фольклор не мода, а вечно живой голос народа, его мудрость, его память. По определению академика Ю. М. Соколова, он не только «отзвук прошлого, но и громкий голос настоящего». Фольклор — часть жизни. А на жизнь моды не может быть.

Нас не могут не насторожить отдельные высказывания о фольклоре Дмитрия Покровского, а также его практика пропаганды русского народного поэтического творчества. Мы не можем разделить его мнение о фольклорном «буме» и его опасения, что скоро придется «спасаться от моды на фольклор», а тем более вызывающего неприятие утверждения «фольклор — это способ быть человеком». Эти надуманные пассажи Дмитрия Покровского нашли справедливую отповедь в статье В. Назинцева «Шумиха — от моды, интерес — от природы». Думается, все это шараханье проистекает от поверхностной теоретической подготовки руководителя известного фольклорного ансамбля и от головокружения от успехов, выпавших на долю этого ансамбля, который, кстати сказать, не постеснялся изменить, дополнить тексты исполняемых им песен, якобы записанных в с. Большой Куналей, пошлыми куплетами.

В частности, была опошлена песня семейских Забайкалья «В островах охотник». В её текст были добавлены пошлые куплеты, о существовании которых семейские певцы даже не знают. Все это сделано на потребу невзыскательной публики. А заодно мы видим в этом и сознательное или бессознательное принижение нравственно-

¹ Статья была отдана редакции «Молодость Сибири» осенью 1986 г., но не была напечатана. Ее полемический настрой актуален и для нашего времени. Вот почему автор счел нужным опубликовать ее с небольшим добавлением 16 лет спустя.

² «Молодость Сибири», 11 ноября 1985 г.

го уровня названной группы русского населения. Фольклорный текст, ухудшенный исполнителями, перестает быть фольклорным. То, о чем народ целомудренно умалчивает, Д. Покровский выносит на широкую публику, опошля песню, принижая нравственные достоинства народа.

Теперь следует сказать об упомянутой статье В. Назинцева. Выступление кандидата физико-математических наук по вопросам фольклора — факт примечательный. Расширяется воздействие фольклора на лиц, далеких по своей профессии от гуманитарного направления. Иногда инженеры, математики, физики делают весьма интересные поучительные выходы в область общественных наук. Если такие выходы делаются с благой целью, на пользу общему делу, не внося никакой теоретической путаницы, то такие дела заслуживают всяческой поддержки и поощрения. Статья В. Назинцева не без претензий на объективность. Она написана с целью поправить некоторых «зарвавшихся» авторов. Ряд положений и мыслей в ней не вызывают возражений. Но автор, призывая «не зарываться» и сохранять ясный взгляд на явление, сам оказался не на высоте: слова разошлись с делом. Открылась самоуверенность дилетанта с менторскими замашками, вступившего в полемику без глубокого знания предмета — такой тип оппонента еще, к сожалению, не редкость в научных и иных спорах.

В. Назинцев тоже, упрекая предыдущих авторов в «необъективности и экстремизме при оценке роли фольклора в культуре человечества», сам впадает в ошибки, проистекающие от его некомпетентности в вопросах бытования и значения фольклора, который он оценивает «как эстетическое выражение ранних ступеней развития общественного сознания». Это очень ошибочное мнение.

Дело тут заключается в том, что на ранних архаических ступенях своего развития фольклор имел прикладное значение и выполнял практическую функцию и только на поздних ступенях его развития появляются жанры с преобладающей эстетической направленностью. Но даже и в позднее время в фольклоре сохраняется группа жанров, сохраняющих синкретическую структуру, в которых также преобладает магическая, обрядовая, познавательная, информационная функции, эстетическое качество в этих группах жанров имеет вторичное значение. Песенный фольклор в этом плане развития не исключение. В этом — первая грубая ошибка В. Назинцева. Во-вторых, он усомнился в том, что утрата народом положительных традиций, обычаев и обрядов неминуемо приводит к негативным социальным явлениям, о чем я и писал в своей статье «Кто поет, того бела не берет». Фома неверующий, в позе которого оказался автор, без тени сомнения изрекает: «Все это — преувеличение от увлечения». Оказывается, то, что является аксиомой для фольклориста или этнографа, то нужно доказывать физику. Исследователи народного быта в XIX и XX веках обычно приходили к одному мнению, что вторжение буржуазных отношений в деревню, неминуемо вело к

разгулу негативных явлений в быту общинно-патриархального крестьянства. Уже в наше время фольклорист М. Н. Мельников, посетивший с научной целью села по Московскому тракту, где чалдоны-ямщики, спаиваемые купцами и сельскими мироедами, утратили прежние обычаи, обряды, песни и совсем закоснели в невежестве. Собирателю не удалось записать у этой группы населения ни одной хорошей, художественно и нравственно полноценной народной песни. Следует в этой связи подумать бы о том, почему прекрасно сохранили старинные душевные песни староверы, у которых утрата традиций происходила не так заметно, не так стремительно, в силу их преданности старине и вере предков. Их консерватизм был той крепостью, благодаря которой они сохранили Русь в её преданиях, песнях, в одежде до наших дней.

У нашего оппонента еще имеется ряд неверных или неточных выражений, но критике подвергнем только заголовок статьи, вернее, его первую часть — «Шумиха — от моды...» Кому это взбрело в голову так пренебрежительно назвать серьезный разговор о современном состоянии фольклора, о возрождении русских национальных песенных традиций, о сохранении культуры народа? Если это название принадлежит автору, то мы видим в этом одно из его заблуждений и его недооценку предыдущих критикуемых им статей. Но думаю, что тут руку приложили журналисты, не любящие и не знающие народной культуры и страшно далекие от народа.

Возникает и еще один вопрос. Неужели и редакция газеты «Молодость Сибири» придерживается такого же невысокого мнения о публикуемых ею же статьях, не лишенных эмоциональности, горячности, горьких констатаций и серьезности поднимаемых ими вопросов о состоянии и пропаганде фольклора?

Фольклор — память народа, важнейшее достояние народной культуры. Разговор о нем не «шумиха», а поиски интересных и надежных форм и методов, с целью вернуть людей разных национальностей к фольклорным истокам. И как можно полнее, достойнее, пограждански заинтересованно освоить это богатейшее наследие и передать его во всей художественной и музыкальной красоте и нравственной чистоте последующим поколениям. Это одна из актуальных задач нашего времени и нашего общества.

При первом знакомстве с ансамблем Дм. Покровского у меня появились жгучие сомнения в подлинности фольклорных текстов, исполняемых этим ансамблем. Есть былина, есть «Вертеп», есть «Пчелка», есть казачье молодечество, есть голоса и записанные в точных географических населенных пунктах песни... Чего же еще надо? Все указано, что и откуда.

Но когда ансамбль исполнил песню моей родины «В островах охотник», — сомнение в подлинности записанного текста усилилось. Неужели мои земляки во главе с А. И. Рыжаковым, бывшим в 80-е годы руководителем хора, снизошли до такой пошлости? Дело в том, что один из куплетов этой песни явно был из другого репертуара.

ра. Закатистые певички из ансамбля будущего лауреата Государственной премии на весь большой зал Дома ученых Академгородка лихо озвучивали, что «до семнадцати лет хранила, а теперь не сберегла». Я пошел за сцену, пытаюсь выяснить — от кого записана песня. Сам бойкий руководитель скрылся, оставшиеся певички ничего вразумительного не могли сказать, твердя, что это надо уточнять «у самого», т.е. у Дм. Покровского. Но его и след простыл.

Позже, уже из телевизионного показа, слышу, что мелодия известной песни большекуналейцев «Не вейтеса чайки над морем» в исполнении ансамбля Дм. Покровского тоже изменена. Величая скорбная мелодия в их исполнении как-то стала притормаживаться и вылилась в неестественное течение с преградами. Ох и не случайно Дм. Покровскому советовал Александр Иванович Рыжаков пожить у них подольше, чтобы освоить куналейский распев. Да куда-то торопился Дм. Покровский. Вероятно, был себе на уме...

Следует полагать, что крестьянскую культуру Дм. Покровский понял по-своему, и по своему ее стал пропагандировать. То он участвует в сомнительном дельце — под народную музыку в авангардном спектакле К. Гинкоса по произведению Ф. М. Достоевского «Записки из подполья»,¹ то опошляет песню, любимую народом, добавляя отсебятину, то ломает мелодию. Но даже гению великого Бетховена, поместившему русскую мелодию в одном из своих квартетов, не удалось ее точно воспроизвести. Не случайно Ф. П. Львов, один из знатоков музыки, написавший в брошюре «О пении в России», что Бетховен «изломал ее (русскую мелодию — Ф. Б.) ученостью своею»². Что же мы можем ожидать от Дм. Покровского? Все наши ожидания теперь позади. Можно было бы об этом и не говорить, но какими методами создавался «успех» ансамбля этого музыканта с целью использования фольклора для своих собственных экспериментов. Часто путанников у нас возводят на пьедестал (чего не предпринимут друзья-теоретики!), а скромных деятелей, сторонников пропаганды аутентичного фольклора, ни на иоту не отступающих в сторону с целью его искажения, как-то не очень замечают и, конечно, не поощряют. Вероятно, во главе культуры стоят люди, не радеющие о народной культуре, а ставящие свои интересы превыше всего?

¹ О теоретических и практических экспериментах Д. Покровского и для чего они делались, смотри подробнее: Кокшенева Капитолина. Раскольники и собиратели. М., «Молодая гвардия». 1990, с. 82–90.

² Львов Ф. П. О пении в России. СПб, 1834, с. 42–68.